

Р. И. Попов
Ярославль

Богатство как ценностная ориентация русского купечества в конце XVIII — первой половине XIX вв.

Богатство — обилие, изобилие, избыток, излишество, достояние, предметы, составляющие имущество человека, самый быт.

В. И. Даль

Отношение русского купечества к богатству и путям его приобретения является важным вопросом, неразрывно связанным с проблемой первоначального накопления капитала в России. Эта проблема до сих пор остается дискуссионной и закономерно интересует отечественных исследователей, поскольку ее изучение позволяет решить целый ряд вопросов, касающихся генезиса капитализма. Будучи связанной, прежде всего, с деятельностью русских купцов, процесс первоначального накопления происходил иначе, чем в западноевропейских странах. Свои особенности при этом имело и экономическое поведение русского купечества. Под экономическим поведением понимается система хозяйственных действий предпринимателя, отражающая цели его экономической деятельности и способы их реализации с точки зрения внутренних и внешних побуждений¹. Если внутренние побуждения можно рассматривать, в том числе, как проявление системы ценностей и представлений купцов в плане их отношения к богатству и собственности, то внешние побуждения отражают, прежде всего, общественное мнение, которое достаточно быстро и ярко реагирует на те или иные поступки.

В данной статье мы попытаемся выяснить, каким образом богатство характеризовало человека, какую роль оно играло в системе ценностей русского купечества, какими путями, с точки зрения морально-этических норм, происходило накопление материальных средств, и какой была реакция окружающих на этот процесс. За ответами на поставленные вопросы обратимся к документам купеческого делопроизводства, материалам доносов, судебной-следственной документации и устного народного творчества. Из приведенного комплекса источников особого внимания заслуживают материалы русского фольклора, представленные в работе сводом пословиц и поговорок о богатстве, почерпнутых из собраний В. И. Даля, И. Снегирева и Н. А. Иваницкого². Подчеркнем, что указанные источники достаточно противоречиво характеризуют личность обладателя материальных благ и зачастую относят стяжание богатства выше своей потребности к разряду тяжких грехов. Но, как заметил один из исследователей, «противоречиво не значит недостоверно»³. В данном случае, для наиболее адекватной оценки важно выделить такие пословицы и поговорки, которые связывали бы богатство с проявлением определенных деловых качеств человека, свидетельствовали о его успешности и характеризовали отношение окружающих к богатству и богачам. Определенный интерес представляют и такие источники, как донос и судебная-следственная документация. Они привлекательны тем, что содержат такую информацию относительно способов приобретения богатства, которую практически невозможно получить из других источников,

касающихся предпринимательской деятельности купечества. Речь идет о содержании ее «теневой» стороны, реальных сведениях о прибылях и стоимости недвижимости с полным перечнем всего имущества. В комплексе с материалами купеческого делопроизводства все вышеназванные источники позволяют лучше понять ценностную ориентацию русских купцов, полнее раскрыть их морально-нравственный облик и определить спектр материальных потребностей в период ускорения первоначального накопления.

Переходя к теме исследования, следует отметить, что в сознании русских людей богатство было категорией полярной, и в отношении к нему «проявлялось противоречие, исконно живущее в русском характере»⁴. Подтверждение этому находим в материалах народного фольклора. Из обширного собрания дошедших до нас русских пословиц и поговорок мы выбрали и проанализировали 470, относящихся к теме богатства и приведенных в собрании В. И. Даля, и 37, опубликованных в сборнике И. Снегирева. Все это наследие устного народного творчества можно условно разделить на несколько групп. К первой группе были отнесены те поговорки, в содержании которых богатство подавалось как свидетельство ума, предприимчивости и деловых качеств его обладателя. Укажем некоторые из них:

*Без денег — бездельник;
Без денег — везде худенек;
Без рубля — без ума;
Добр Мартын, коли есть алтын;
Худ Роман, коли пуст карман;
Рубль есть и ум есть; нет рубля — нет и ума;
Рубль — ум, а два рубля — два ума;
Кормил лошадь, так и добра;
Богат мужик, так и умен;
Без ума торговать только деньги терять; и т. д.*⁵

При этом отметим, что имущество и достаток, полученные в ходе приложения определенных трудовых усилий, в традиционном народном сознании считались «праведными»: «Труд — отец богатства» и, в какой-то мере, свидетельствовали об успешности предпринимателя.

Отражением того, что «жизнь удалась» служат пословицы и поговорки, отнесенные нами ко второй группе:

*Одна рука в меду, другая в патоке;
Живут — золото весят;
Деньги четвериками пересытают;
Ассигнациями трубку раскуривает;
Деньг куры не клюют;
Сколотить денежку;
Как сыр в масле катается;
Гребет деньги лопатой; и т. п.*⁶

Из перечисленных поговорок одна особенно интересна, поскольку является не только выражением достатка. Речь идет о поговорке «Ассигнациями трубку раскуривает». Вполне возможно, она связана с известным устным преданием о купце, который поджег сотенную купюру для того, чтобы найти монету. Обыч-

но эта история передается как пример купеческого самодурства, хвастовства и тщеславия. Вместе с тем, она наглядно демонстрирует отношение купечества к условным деньгам. Исходя из событий русской истории денежных реформ, Н. И. Шейко объясняла такое побуждение купца поиском свободы, освобождением от иллюзий и обращением к тому, что ему понятно и чему он доверяет⁷. Разделяя отчасти это мнение, отметим, что с началом выпуска ассигнаций при Екатерине II российское правительство смотрело на них, как на временные свидетельства, и обещало беспрепятственно разменивать бумажные деньги на мелкую монету. Но с 1772 г. был прекращен обмен ассигнаций на серебро, и весь обмен стал производиться исключительно медной монетой. Сама по себе она не представляла той ценности, которая была на ней проставлена. В дальнейшем, в связи с чрезмерным выпуском бумажных денежных знаков начались неурядицы в финансовой системе, сопровождавшиеся падением курса ассигнаций (в 1777 г. 1 рубль ассигнациями обменивался на 98 коп. серебром, в 1786 — на 81,5 коп., а в 1794 г. за рубль давали лишь 68,5 коп.) и снижением уровня жизни⁸. В этой связи вполне понятно и объяснимо недоверие русских купцов к бумажным деньгам. Осознавая нестабильность курса ассигнаций, а также угрозы, исходившие от стихийных бедствий (пожаров, штормов, наводнений) и разбоя, купечество понимало неустойчивый характер богатства:

*Деньги что вода;
Богатство — вода: пришла и ушла;
Деньги пух — только дунь на них — и нет*

А потому различными путями предприниматели старались упрочить и увеличить нажитое. Зачастую не обращаясь к услугам банков, купцы предпочитали вкладывать свои финансовые средства в недвижимость (дома, земельные угодья), приобретать драгоценности⁹ или держать деньги в обороте, руководствуясь старой народной мудростью:

*Деньга на деньгу набегает;
Деньга деньгу наживает;
Куда деньга пошла там и скопится;*

Типичным примером тому является экономическое поведение тотемских купцов Григория Алексеевича и Петра Алексеевича Пановых. Они являлись владельцами лесоперерабатывающего производства в Тотьме и хозяевами крупной промысловой компании, действовавшей на Тихом океане в 1764–1787 гг. Согласно «купчим крепостям», отложившимся в фонде 1160 (Пановых) Государственного Архива Вологодской области, предприимчивые тотьмичи предпочитали приобретать на денежные средства, вырученные в ходе торговых операций в Сибири, земельные угодья в пределах своего города. В период с 1774 по 1778 гг. Пановыми было скуплено в городе Тотьме «пустопорожних дворовых земель» общей площадью 5565,95 кв. саж. общей стоимостью 865 рублей¹⁰. Кроме того, часть средств купцы держали в драгоценных украшениях. Косвенное указание на этот счет мы находим в описях приданого дочерей Петра Алексеевича Панова. Из содержания этих документов видно, что «3 ноября 1783 года Петр Алексеевич Панов отдал дочь свою Анну замуж за тотемского купца Ивана Андреевича Кузнецова и дал ей в приданое денег 5 тысяч рублей, жемчужных, бриллиантовых и алмазных вещей на 3 тысячи рублей»¹¹. А 12 сентября 1786 г. замуж за то-

темского купца Петра Алексеевича Нератова вышла младшая дочь П. А. Панова Елизавета с не менее богатым приданым в 7 тыс. руб. и драгоценными украшениями общей стоимостью 3 тыс. рублей¹². Значительную часть средств П. А. Панов держал в обороте, ведя торговлю как внутри России, так и за ее пределами. У него имелись конторы и склады мехов в Москве, Иркутске, на Камчатке и в Кяхте. В Кяхте китайские купцы большими партиями закупали камчатских бобров, чернобурых лисиц, соболей, котиков, выдру и белку. За рубеж шли преимущественно необработанные меха, а внутри государства торговля велась выделанными мехами. Размах предпринимательской деятельности П. А. Панова не остался незамеченным в Петербурге. Товарами купца заинтересовались фавориты императрицы Екатерины II братья Орловы, а впоследствии и «светлейший князь» Г. А. Потемкин. Его покровительство обеспечило П. А. Панову лидирующие позиции на российском рынке мехов¹³. Подобный успех был невозможен без приложения максимальных усилий не только самого тотемского купца, но и всех его компаньонов¹⁴.

Приобретение богатства и достатка посредством кропотливого труда и строгого соблюдения при этом христианских заповедей способствовало нравственному совершенствованию представителей русского купечества, открывало перед ними широкие возможности для своего проявления и не осуждалось в обществе:

*Денежка дорогу прокладывает;
Золотой молоток и железные ворота прокует;
Золото не говорит, да много творит;
Деньги — крылья; и т. п.*

В конце XVIII столетия в России, наряду с официальным делением купцов на три основные гильдии, было широко распространено такое понятие, как «совершенный купец». Под таковым подразумевали умного, предприимчивого и удачливого предпринимателя, умевшего не только вести коммерческие дела, но и активно участвовавшего в общественной жизни города, заседавшего в городской думе, работавшего в магистрате, занимавшегося благотворительностью. Имена и деяния «совершенных купцов» оставались в памяти горожан и, обрастая легендами, передавались из поколения в поколение. Неслучайно в известном поучении «О богатении», составленном одним из таких ярких представителей русского купечества, владельцем Трехгорной мануфактуры Т. В. Прохоровым (1797–1854), особо отмечалось: «Богатство то хорошо, когда человек, приобретая его, сам совершенствуется нравственно, духовно, когда он делится с другими и приходит им на помощь. Богатство необходимо должно встречаться в жизни, оно не должно пугать человека, лишь бы он не забыл Бога и заповедей его. При этих условиях богатство неопределимо полезно. Не будь богатства, не было бы ни открытий, ни усовершенствований в различных отраслях знаний, особенно промышленных...»¹⁵.

Напротив, богатство, приобретенное и направленное исключительно на удовлетворение своих потребностей и тщеславия, вызывало резкое осуждение окружающих. Подавляющая часть пословиц и поговорок обличает владельцев такого богатства, но что интересно, не назидательно, как в протестантской этике, не назидательно утвердительно, как в восточной мудрости, а, по-русски, с определенной долей юмора, снисхождения и даже сочувствия в чем-то, видя в положении богача нравственное неудобство и даже ущербность:

*Богатому не спится, богатый вора боится;
Богатый не тужит, да скучает;
Богатому сладко естся, да плохо спится;
Меньше денег — меньше хлопот;
Деньг нет, так подушка под головой не вертится;* и т. п.

Большое количество русских народных поговорок, в которых осуждается приобретение богатства неблагоприятными путями ради удовлетворения разных прихотей его обладателя, может косвенно указывать на то, что далеко не все купцы придерживались определенной этики в ведении своего дела.

Стремясь накопить капитал, они нередко прибегали к довольно грубым методам, например, к обману и воровству. Следует признать, что это было типичным явлением для периода ускорения первоначального накопления. Далеко не всегда честных методов в ведении своего дела придерживались не только отечественные, но и западноевропейские предприниматели. Достаточно вспомнить коммерческие сделки англичан, французов и голландцев с коренным населением своих колоний. В этой связи не вполне обоснованными выглядят мнения некоторых российских исследователей, сравнивающих подходы к торговому делу русских и западноевропейских купцов. В частности, отмечается, что представители западноевропейского капитала придерживались в коммерческой деятельности протестантской этики с ее упором на честность, трудолюбие, предприимчивость и определённые взаимные обязательства¹⁶. Не идеализируя приверженность купечества этим принципам, подчеркнем, что достаточно долгое время коммерческая деятельность за счёт обмана казны и покупателей не считалась большим грехом среди предпринимателей. В России, к примеру, в XVIII столетии даже была распространена поговорка: «Казна — шатущая корова, не доит её только ленивый»¹⁷. Ещё И. Посошков, говоря о русском купечестве, особо отмечал, что купцы «во время торга друг друга обманывают и друг друга обидят, товары худы, крашивают добрыми и вместо добрых продают худые, а цену берут непрямую и между собой союза не имеют, друг друга едят, и тако все погибают, а в зарубажных торгах компанейства не имеют, и у иноземцев покупают товар без согласия своего товарищества»¹⁸. Эти слова, сказанные в начале XVIII столетия, оставались актуальными на всем протяжении последующих десятилетий и отражали реалии эпохи первоначального накопления.

Наиболее часто злоупотребления встречались среди купцов, занимавшихся винными откупами и различными подрядами.

Типичным примером может служить дело, возбуждённое в 1784 г. правителем Архангельского наместничества генерал-майором Иваном Романовичем Ливеном в отношении архангелогородского первой гильдии купца Федора Ивановича Лобанова.

Содержатель питейных сборов в городе Архангельске Ф. И. Лобанов обвинялся в многочисленных нарушениях, связанных с продажей вина. Основанием к возбуждению следствия послужило письменное чистосердечное признание компаньона Ф. И. Лобанова купца И. Исупова в совершённых злоупотреблениях. Мотив своего поступка И. Исупов объяснял довольно просто — «угрызениями совести», а страх перед наказанием за совершённое тяжкое преступление являлся причиной долгого молчания¹⁹.

Со слов И. Исупова, нарушения начались с весны 1783 г., когда Ф. И. Лобанов, вступив в откуп, оборудовал в собственном доме подвал для хранения вина, которое возил туда вместе с И. Исуповым. Из каждой бочки служители Ф. И. Лобанова выливали 3–4 ведра, а недостающее количество возмещалось «ледовой водой», которая добавлялась в бочки из находившихся поблизости бадей²⁰. Разбавленное вино отпускалось на продажу в питейные дома через служителя Ф. И. Лобанова Илью Баранова. На 9 мая 1783 г., согласно выписке, представленной И. Барановым И. Исупову, из бочек было вылито 191 ведро вина²¹. 7 января 1784 г. от водочного мастера Л. Петрова и пивовара Ф. Костюрина И. Исупов узнал, «что по записям их вино разбавлено в 68 сороковых бочках»²². А 22 января Ф. И. Лобанов в разговоре со своим компаньоном объявил о том, что со времени вступления в откуп перепродали воды на 7 тыс. руб., добавив при этом такие слова: «Не тужи брат, есть из-за чего трудиться, слава богу»²³. В мае 1784 г. Ф. И. Лобанову стало известно, что излишнего вина числится по конторским книгам более 1000 вёдер и он, будучи сильно обеспокоен составлением отчётности, как-то оговорился И. Исупову о своих переживаниях²⁴. Вино отпускалось в продажу сначала через сидельца Тимофея Вешнякова, а после того, как он был направлен по неизвестным коммерческим делам в Устюг, его заменил И. Исупов. Судя по расчётам, которые были осуществлены кассиром Колесниковым, Т. Вешняков продал мимо конторы 51 бутылку вина, а чтобы о таких злоупотреблениях не узнали другие служители, в дальнейшем, в целях предосторожности стали вести две записные тетради. В одну из них записывалось отпускаемое из подвала прибыльное вино, по продаже которого деньги отдавались кассиру Колесникову. Он записывал их в приход, будто бы получил от Ф. И. Лобанова. Во вторую тетрадь вносили то количество вина, на которое, согласно записям в конторской книге, у подвального Ильи Баранова были ярлыки²⁵. Кроме того, Ф. И. Лобановым из оставшегося с ноября 1783 г. кислого пива, путём перегонки делалась водка и развозилась по питейным домам. Из общего количества денег, вырученных за проданное «домерами» вино, часть их ежемесячно выплачивалась в качестве жалования служащим²⁶. 19 декабря 1784 г. городской магистрат и нижний надворный суд получили предписание о проведении следствия, в соответствии с действовавшим законодательством, с целью расследования этих преступлений. Помимо этого, надворному суду было поручено провести освидетельствование дома на «предмет корчемного»²⁷. Дело получило широкую огласку и дошло до Петербурга. 11 марта 1786 г. И. Р. Ливеном было получено отношение от действительного тайного советника графа А. Р. Воронцова и тайного советника А. В. Нарышкина, в котором И. Р. Ливену было указано в шестидневный срок прислать отчёт по делу Ф. И. Лобанова²⁸.

29 мая 1786 г. И. Р. Ливеном была составлена и отправлена «премемория» генерал-губернатору Т. И. Тутолмину, в которой сообщалось о сборе всех необходимых сведений и о скорой готовности вынести окончательный вердикт. Чем закончилась эта тяжба, неизвестно, однако, по-видимому, она сильно подорвала здоровье купца Ф. И. Лобанова, который вскоре умер, оставив на попечении брата свою малолетнюю дочь²⁹.

Еще раз подчеркнем, история с Ф. И. Лобановым была не единственной в своём роде. Злоупотребления в содержании винных откупов встречались практически во всех российских губерниях, в том числе самых отдаленных. В каче-

стве примера, следует указать на дело иркутского винного откупщика Передовщикова.

В начале XIX в. Иркутской губернской администрации стало известно о грубых нарушениях допущенных в содержании питейных продаж этим купцом. В руки высших губернских чиновников попали «книги ведомостей и исходящих бумаг», принадлежавших Передовщикову и его поверенным³⁰. В этих книгах были обозначены размеры денежных сумм и количество спиртных напитков, переданных, в качестве взятки, некоторым членам губернского административного аппарата, в том числе и губернскому прокурору надворному советнику Горновскому³¹.

Согласно содержанию этих книг, в период с 1804 по 1806 гг. Горновским было получено от доверенного купца Передовщикова некоего Игнатьева

в 1804 году:

12 января — «в одолжение денег» — 500 рублей.

27 августа — «с изъяснением, что Игнатьев должен хозяину объяснить» — 300 рублей.

24 декабря — без обозначения — 3 ведра вина и 2 ведра водки.

в 1805 году:

31 октября — 4 ведра вина.

31 декабря — в дом Горновского было направлено $4^{2/8}$ ведра вина и 2 ведра водки.

в 1806 году:

31 января — «для прокурора вина» 3 ведра.

27 февраля — 2 ведра.

31 марта — 4 ведра вина.

30 июня и 31 июля — по 3 ведра вина.

8 августа — 1 ведро водки.

27 сентября — 4 ведра вина.

29 октября — 3 ведра вина и 4 осьмины³².

В этих же документах были обнаружены: несвоевременный взнос Передовщикова в Иркутское уездное казначейство за принимаемое на продажу вино, и накопившееся за ним «немалозначущая» недоимка³³. Кроме того, Передовщикову вменялось в вину предоставление с санкции Горновского ссыльному Крушицкому в полное управление всю витимскую дистанцию питейной продажи, а также негласное распоряжение Передовщикова приказчику енисейскому купцу Болотову о перегонке спирта на Александровском и Илгинском винокуренных заводах, направленное «в явный ущерб казне»³⁴. На Александровском заводе Болотов «кроме положенной заводу сложности покупал хлеб и, получая оный заимообразно от бывшего исправника Старкова, купил в пользу Передовщикова вино и двоил ему спирт на счёт казённых издержек»³⁵, а «следующий по контракту для Нерчинска и Якутска спирт передвигал с перегаром от 4° до 6°»³⁶.

В результате, в соответствии со статьёй 126 Устава о вине, иркутский купец Передовщиков был признан виновным во всех злоупотреблениях и отдан под суд³⁷. Полностью признав виновность надворного советника Горновского, Иркутская палата уголовного суда постановила: «...за взятки и злоупотребления, выдержав в приставаемом месте 10 дней, впредь его ни к каким должностям не определять и не выбирать»³⁸.

Всё вышеизложенное неизбежно наводит на мысль о том, что способы формирования купеческих капиталов были далеко не идеальными, особенно в период первоначального накопления. В связи с этим даже кажутся странными «похвальные слова» купеческой дочери Е. А. Авдеевой-Полевой об иркутских купцах, которые «в Гостином дворе никогда не запросят с вас втрое, не будут ворочать с дороги и говорить, что де для вас уступают, никогда не боятся при продаже и не стараются продать гнилой товар вместо хорошего»³⁹. Этому даже не соответствовала на первых порах коммерческая деятельность отца Е. А. Авдеевой-Полевой, иркутского купца А. Е. Полевого, служившего с 1782 г. приказчиком в Иркутске у своего дяди, знатного курского купца И. Л. Голикова (разбогатевшего на пушном тихоокеанском промысле). Зачастую злоупотребляя доверием своего старшего и уважаемого родственника, А. Е. Полевой присваивал себе значительные суммы денег, и сидел «по самые уши в неоплате долгов»⁴⁰. В итоге, И. Л. Голиков вызвал его к себе в Курск, где А. Е. Полевой, выдержав жёсткий разговор по поводу деятельности компании, вынужден был сознаться во всех своих злоупотреблениях: в присвоении крупных сумм денег, в выставлении И. Л. Голикову ложных счетов и неисполнении своих обязанностей⁴¹. И. Л. Голиков, поверив в якобы искреннее раскаяние А. Е. Полевого, вновь доверил ему исполнять свои обязанности в качестве приказчика в Сибири. Тем не менее, вся последующая деятельность А. Е. Полевого подтвердила лживость его уверений⁴².

Довольно часто купцы, испытывая затруднения в своих делах, прибегали к лжебанкротству. Однажды, один из иркутских купцов Д. Гагарин, побывав на Нижегородской ярмарке и набрав в кредит товаров на большую сумму, упаковал их и отправил в Иркутск, не подписав векселей, а сам скрылся из Нижнего Новгорода. Кредиторы, не дождавшись его подписи, решили навести о Д. Гагарине справки в Иркутске, куда беглец незадолго перед этим явился. На запрос кредиторов Д. Гагарин ответил, что иркутский купец первой гильдии Д. Гагарин умер, дело его ликвидировано, а вырученные суммы пошли на уплату долгов⁴³. Неслучайно поэтому в Иркутске о купцах Д. Гагарине и В. Казарине говорили: «Нет выше плутов, как Митька Гагарин да Васька Казарин»⁴⁴.

Вообще на всём протяжении исследуемого периода многие русские купцы в торговых операциях смотрели друг на друга как на потенциальных соперников, размышляя о том, как бы перехитрить другого:

«...почти у всех в уме один расчёт: кого кто лучше проведёт и кто кого хитрей обманет»⁴⁵.

Однако это пристрастие к «плутовству» далеко не всеми осуждалось. Например, почётный гражданин и иркутский 1-й гильдии купец И. С. Хаминов всегда отмечал приказчиков, которые умели достать деньги не только для хозяина, но и для самих себя. Особенно он поощрял тех приказчиков, которые отправлялись на ярмарки. По возвращению ярмарочного доверенного, И. С. Хаминов приглашал его к себе и интересовался, сколько приказчик смог добыть для себя. Если доверенный называл какую-либо сумму, к примеру, 3 тыс. руб., И. С. Хаминов хвалил его и говорил, что толк из него выйдет. Если же приказчик не оставлял себе ничего И. С. Хаминов заявлял, что таких служащих ему не нужно, поскольку с ними «в торговле далеко не уйдёшь, да ещё и в трубу вылетишь» и на следующий день рассчитывал его⁴⁶.

Тем не менее, допуская существование не всегда честных способов накопления русскими купцами своих капиталов, чрезвычайно трудно распространить эти негативные для купеческой среды явления на сплошь всё сословие. Разделяя точку зрения В. Шахерова о том, что «даже в одном купеческом роде можно найти смешение различных факторов»⁴⁷, укажем, что дети иркутского купца А. Е. Полевого — Е. А. Авдеева-Полевая, Н. А. и К. А. Полевые — в дальнейшем стали известными писателями и внесли большой вклад в развитие русской литературы. Можно привести и другой пример. Основатели династии забайкальских купцов Кандинских «мало, чем отличались от бандитов с большой дороги», а их дети были уважаемыми коммерсантами. Они оказывали содействие декабристам. В дальнейшем из их рядов вышел известный художник В. В. Кандинский (1866–1944)⁴⁸.

Следует отметить, что сильное желание русского купечества разбогатеть на рубеже XIX–XX вв. стало сменяться заботой о чистоте репутации. И если в XVIII – первой половине XIX вв. обман большинством купцов воспринимался как нечто житейское, обыденное, то в начале XX в. обманывать напрямую многие уже не только опасались, но и стеснялись⁴⁹. Купцы осознали, что чистая репутация, наряду с благотворительностью и различного рода жертвованиями, может принести известность, авторитет в обществе и награду.

Однако, даже когда по отношению к друг другу купцы стали избегать обмана, полагаясь на «купецкое слово», в общении с остальными никаких перемен не произошло, и отношения с покупателем по-прежнему «уравнивались капиталом». Это означало, что у большей части русского купечества сформировался двойной стандарт деловой этики, «что порождало раздвоенность картины мира членов купеческой субкультуры»⁵⁰.

Подводя итоги, подчеркнем, что в период ускорения первоначального накопления капитала важной ценностью в среде русского купечества являлось стремление к обогащению. Объяснялось такое побуждение, в первую очередь, заботой о благополучии всех членов купеческой семьи. Руководствуясь этой ценностной установкой, купцы занимались своим профессиональным делом, которое служило источником их доходов и существования. То, насколько оно было успешным, зависело от самого купца, его знаний, опыта, усвоенных навыков и ценностей. В своей совокупности они определяли не только экономическое, но и социальное поведение предпринимателя изучаемой эпохи.

Примечания

- 1 Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984. С. 14.
- 2 Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2001; Русские народные пословицы и притчи И. Снегирева. М., 1995; Песни, сказки, пословицы, поговорки, загадки собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960.
- 3 Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 19.
- 4 Шейко Н. И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2006. С. 67.
- 5 Даль В. И. Указ. соч. С. 32–49; Русские народные пословицы и притчи... С. 14–16.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 68.
- 8 История торговли и промышленности в России: В 2-х т. / Под ред. П. Х. Спасского. СПб., 1910. Т. 1. С. 76–77.
- 9 По этому поводу, к примеру, народная мудрость гласит: «Кресты да перстни — те же деньги», «У молодца не без золотца, у красной девушки не без серебрца», «Шелк не рвется, булат не сечется, красное золото не ржавеет» (См.: Шейко Н. И. Указ. соч. 15).

- 10 ГАВологодО. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–13; Д. 8. Л. 1–9; Д. 9. Л. 1–1 об. Эти земельные участки покупались Пановыми у обедневших тотемских купцов, купеческих вдов и мещан, проживавших в районе Климантовской, Пробойной и Кузнечной улиц города Тотьмы.
- 11 Там же. Д. 9. Л. 5.
- 12 Там же. Д. 10. Л. 1.
- 13 *Сапрыгина Е., Корнилов П.* Пушное дело Пановых // Губернский дом. 1995. № 5. С. 68.
- 14 Желанием купца П. А. Панова было передать свое дело единственному наследнику — Василию Петровичу с тем, чтобы он продолжил его и приумножил нажитое состояние. Однако сын не проявлял ни малейшего интереса к коммерции и был полностью лишен деловой хватки. 1 января 1786 г. Василий записался в гвардии Преображенский полк, решив сделать карьеру военного. (См.: *Сапрыгина Е., Корнилов П.* Указ. соч. С. 68–69).
- 15 Цит. по: *Шейко Н. И.* Указ. соч. С. 14.
- 16 *Соколов К. Б.* Субкультура российского купечества: генезис субкультуры и своеобразие исторического пути // Мир психологии. 2001. № 2. С. 223; *Левандовская А. А., Левандовский А. А.* «Темное царство»: купец-предприниматель и его литературные образы // Отечественная история. 2002. № 1. С. 147.
- 17 *Томили-Бразоль А.* Жизнь и судьба Федора Соймонова. Л., 1991. С. 402.
- 18 *Посошков И.* Книга о скудости и богатстве (и некоторые более мелкие сочинения). М., 1911. С. 3.
- 19 ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.
- 20 Там же.
- 21 Там же. Л. 5 об.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Л. 6.
- 26 Там же. Л. 6 об.
- 27 Там же. Л. 11–12.
- 28 Там же. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 552. Л. 1–1 об.
- 29 Там же. Ф. 49. Оп. 4. Д. 4. Л. 22 об.
- 30 РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 75. Л. 9.
- 31 Там же. Л. 9–9 об.
- 32 Там же. Л. 9–9 об.
- 33 Там же. Л. 10.
- 34 Там же. Л. 10–10 об.
- 35 Там же. Л. 11.
- 36 Там же. Л. 11–11 об.
- 37 Там же. Л. 12.
- 38 Там же. Л. 13.
- 39 *Авдеева-Полевая Е. А.* Записки и замечания о Сибири (с приложением старинных русских песен) // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 32.
- 40 Цит. по: История Русской Америки. 1732–1867: В 3-х т. / Под ред. Н. Н. Болховитинова. М., 1997. Т. 1. С. 132.
- 41 Там же. С. 144.
- 42 Там же.
- 43 *Старовер А.* Мелочи иркутской старины // Сибирский архив. 1913. № 4. С. 212.
- 44 Там же.
- 45 Цит. по: *Грот Я.* Сатира Крылова и его Почта Духов // Вестник Европы. 1868. № 2. Март. С. 215.
- 46 *Старовер А.* Указ. соч. С. 213.
- 47 *Шахеров В.* «Для пользы сообщества достаток истощая» // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 4.
- 48 Там же.
- 49 *Соколов К. Б.* Указ. соч. С. 224.
- 50 Там же.